

А. В. Шевцов

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ПРОФЕССОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ Д. П. МИРТОВА

(к 150-летию со дня рождения)

Данная статья посвящена исследованию философского наследия профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д. П. Миртова (1867–1941) и приурочена к 150-летию юбилею со дня его рождения. К сожалению, труды Миртова до сих пор являются малоизвестными, хотя он был учеником проф. СПбДА М. И. Каринского и в чем-то продолжал его дело. Круг научных интересов Д. П. Миртова касался вопросов гносеологии, логики, истории философии, проблем религии и веры. Анализируя фундаментальное исследование по философии Германа Лотце, Д. П. Миртов рассматривал проблематику соотношения веры и действительности. В статье на примере нескольких работ Миртова прослеживается становление его философских взглядов, от философии Хр. Вольфа, Хр. Баумейстера, к первым преподавателям философии СПбДА иером. Евгению (Казанцеву) и Игнатию Фесслеру. В статье проводится анализ работ Миртова о Клименте Александрийском и о Германе Лотце. Также представлен проведенный Д. П. Миртовым критический анализ концепции панентеизма Лотце.

Ключевые слова: Д. П. Миртов, М. И. Каринский, Санкт-Петербургская духовная академия, Хр. Вольф, Хр. Баумейстер, панентеизм, субстанция, бытие, гносеология, логика.

Дмитрий Павлович Миртов родился 1 сентября 1867 г. в селе Константиново, Рязанского уезда, Рязанской губернии в семье сельского священника. Как было принято в то время для детей лиц духовного сословия, Дмитрий закончил в 1887 г. духовную семинарию в Рязани и в том же году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1891 г. со степенью кандидата богословия и преподавал в различных духовных учебных заведениях. Тема работы, за которую Д. П. Миртову была присуждена степень кандидата богословия была по Клименту Александрийскому, эта тема впоследствии выросла до монографии «Нравственное учение Климента Александрийского».

Александр Викторович Шевцов — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (МАИ) (ashevzov@mail.ru).

Д. П. Миртов (1867–1941)

Еще со студенческой поры Миртов серьезно занимался исследованиями по истории философии. С декабря 1894 г. он начал преподавать в СПбДА. В 1914 г. за труд «Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном» ему была присуждена степень доктора богословия без защиты. С 15 августа 1919 г. и вплоть до выхода на пенсию Д. П. Миртов работал в Публичной библиотеке. Он умер в 1941 г. во время блокады Ленинграда.

Творчество Дмитрия Павловича Миртова, историка философии, выпускника и профессора Санкт-Петербургской духовной академии, до сих пор остается недостаточно изученным. Миртов был среди учеников профессора СПбДА М. И. Каринского. Он написал ряд самостоятельных и глубоких исследований по истории философии. Так, его перу принадлежит сочинение по философии немецкого мыслителя XIX века Германа Лотце¹, работы по Канту и Ницше, Клименту Александрийскому, статьи и монографии по гносеологии М. И. Каринского и Г. И. Челпанова. Среди многих статей по истории философии у Д. П. Миртова есть целый ряд литографированных либо самим профессором, либо его учениками лекций по древней и новой философии. Поэтому обширное наследие Дмитрия Павловича Миртова, всего свыше 40 источников, еще ожидает подробных исследований.

В своей статье «Первые профессора философии в С.-Петербургской духовной академии — иером. Евгений и Игн. Фесслер (к столетию академии)» Миртов останавливался на раннем периоде формирования и специфике преподавания философии в начальный период существования Академии². В этой статье Д. П. Миртов освещал ситуацию с преподаванием в самом начале образования СПбДА. Так, Миртову, на наш взгляд,

¹ Миртов Д. П. Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном // Из истории борьбы с материализмом и опытов примирения веры и знания в философии XIX века. Ученые труды Императ. С.-Пб. Духовной Академии (К 100-летию академии). СПб., 1914. Вып. 3.

² Миртов Д. П. Первые профессора философии в С.-Петербургской духовной академии — иером. Евгений и Игн. Фесслер. (К столетию академии). // Церковный Вестник. СПб., 1909. С. 1–14.

вполне удалось прояснить ситуацию с первыми преподавателями философии иером. Евгением (Казанцевым) и Игнатием Фесслером: почему и с чем был связан отказ от первоначально приглашенного на эту должность Лодия (в силу нехватки времени у последнего); утверждением первого преподавателя иером. Евгения и скорой, менее чем через год, отставкой его от должности и которого «заменяют другим, более способнейшим»³ (12 января 1810 г.).

Миртов подробно исследовал и этот вопрос: «Оказывается, в самый начальный период становления академии были не вполне еще согласованы нормы и порядок преподавания в частности курса философии. Так, например, комиссия не определилась с тем, какими именно пособиями руководствоваться — Винклером или Голманном (у которых порядок системы, то есть изложения, не совпадал)⁴. Д. П. Миртов сообщил, что поэтому был приглашен Фесслер, а иером. Евгений был переведен в его ассистенты. И поскольку Фесслер «в данном отношении был человек наиболее компетентный, а искренность отзыва его явствует из того, что Евгений в это время уже оставил академию, назначенный (11 февраля 1810) ректором московской Троицкой гимназии»⁵.

Д. П. Миртов так описывал ситуацию, которая была в тот момент. Фесслера на кафедру философии фактически случайно пригласил М. М. Сперанский, по рекомендации своего земляка и сослуживца по львовскому университету П. Д. Лодия, причем собственно на кафедру еврейского языка. Но когда Сперанский, в беседе с Фесслером, обнаружил в нем глубокие знания и в философии, то сразу же и стал ходатайствовать перед комиссией Академии о предоставлении Фесслеру и кафедры философии.

«Изучение философии у Фесслера идет по такому же плану, как и у иером. Евгения (курс также шестигодичный): прежде всего, история философии, предваряемая общими вводными сведениями по философии и разделяемая на три отдела — древняя, средневековая и новейшая философия (заканчивается Кантом, Фихте, Якоби и Шеллингом), затем, положительная система философии, разделяющаяся на теоретическую, в которую входят логика и метафизика природы <примечательно, как метафизику природы трактовал Миртов> (умственная онтология, физиология природы, умственная космология, умственное богопознание,

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

эмпирическая психология и антропология) и практическую, в которую входят метафизика нравов, этика и естественное право»⁶.

Но в скором времени возникают разногласия и с Фесслером, и Д. П. Миртов оставил подробный отчет, в чем там было дело. Главным противником преподавания Фесслера был архиепископ Феофилакт, который представил пять критических замечаний на систему Фесслера, согласно которым начала фесслеровой философии «что всего удивительнее совершенно ниспровергают саму философию»⁷.

Итак, в чем же состояли эти пять тезисов против Фесслера? 1) Фесслер искажает естественный порядок человеческих познаний, когда производит их начало от разума, независимо от чувств; 2) приписывает этим началам только условную и от этого вторичную вещественность и истину; 3) подрывает религию, приняв в основании своей философии мнения иллюминатов; 4) вводит философию Платона, которая и в первые три века христианства породила столько ересей, сколько во Франции, при попустительстве Вольтера, наделала метафизика Локка и которая восторжествовала над философией Декарта. И, наконец, пятый тезис, который по виду был продолжением четвертого, но содержал итоговое замечание: Фесслер кроме того, что следовал Платону, еще и почитал Плотина, от языческого влияния которого было трудно избавиться. «И в заключение архиепископ ставит на вид Фесслеру, что последний должен был руководствоваться указаниями комиссии и назначенными ею Винклером и Бруккером, или же представить начальству об отмене последних, а сам ничего нового не вводить»⁸.

Необходимо отметить, что капитальный анализ формирования как всей российской духовно-академической философии, так и ее петербургской традиции, принадлежал Г. Г. Шпету, труд которого «Очерк развития русской философии» выходил частями (1922)⁹. Ситуацию вокруг Фесслера Шпет фактически изложил так же¹⁰, как и Миртов, однако у Д. П. Миртова мы находим описание более объективным. Так, например, он привел слова защитника Фесслера М. М. Сперанского, который считал, что: «Цель

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ См.: Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск, 1991. С. 217–578.

¹⁰ Там же. С. 387.

философского образования в точном разуме устава академии не в том состоит, чтобы продолжать мрачную систему материализма, на коей вся чувственная философия основана, но чтобы отвергнуть все сии суесловные блуждания разума, призвать его и приготовить к христианской философии, к той философии, которая по слову св. Павла, не по стихиям мира, но по началам вечной истины, которая есть едина и коей источник тщетно будем мы искать в ушах, в руках и в прочих чувствах»¹¹. Но, по Миртову, не только мнение архиеп. Феофилакта сыграло против Фесслера, очевидно даже большую роль сыграло влияние бакалавра словесных наук иером. Леонида (Зарецкого) на тогдашнего ректора Академии архимандрита Сергия.

В труде по истории русской философии А. И. Абрамов при рассмотрении вопроса становления философии в Санкт-Петербургской духовной академии опирался в основном на исследование Г. Г. Шпета¹². Абрамов писал, что «традиционный учебник Иоганна Генриха Винклера “Физика, или Естественная философия в сокращенной баумейстеровой философии напечатанная и с лат. на рос. яз. переведенная... синтаксис с учителем диаконом Иоанном Ушаковым” (М., 1785), и последний был заменен на “Institutiones” Ф. С. Карпе»¹³. Отсюда следовало, что состав учебников еще не сложился и их подбор осуществлялся в процессе учебной практики.

Например, учебник Карпе был введен с приходом в Академию Иоганна фон Горна (Хорна) как некое обновление системы Х. Вольфа, излагавшейся в учебнике И. Г. Винклера. И это при том, что еще использовалось русское издание учебника одного из первых историков философии как науки в Европе, Иоганна Якова Бруккера (1696–1770) и который «написал для своего времени самую полную историю философии — “Historia critica Philosophiae a mundi incunabilis ad nostram usque aetatem deducta” (1747)»¹⁴. Но, как замечал А. И. Абрамов, если учебник Бруккера все же следовал Лейбницу, то учебники Винклера и его последователей развивали философию в системе Вольфа.

Так, «наибольшим влиянием и авторитетом среди учебников вольфианской философии, преподаваемой и изучаемой в русских духовных

¹¹ Миртов Д. П. Первые профессора философии в Санкт-Петербургской духовной академии... С. 12.

¹² См.: Абрамов А. И. Сборник научных трудов по истории русской философии. М., 2005. С. 82–97; С. 138–144; С. 223–246. С. 544.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 231.

академиях и семинариях, пользовались книги Фридриха Христиана Баумейстера (1698–1785), который был наиболее известным последователем философских учений Лейбница и Вольфа, разрабатывал и пропагандировал почти все разделы их философских систем»¹⁵. Однако и Баумейстер выступал резко против догматичности систем Лейбница и Вольфа, поэтому его сочинения издавались в России большими тиражами.

Еще несколько слов о типе философской системы Баумейстера. Его доктрина была метафизикой¹⁶, которая включала в себя как свою основу и свою структуру онтологию. Онтология давала ответ на вопрос, как устроен мир, она была неким *сущесловием*, входившей, по Баумейстеру, в метанауку, то есть в науку о мире, или в метафизику¹⁷. В онтологии ставились вопросы основания истин, которые далее обосновывались в физике и этике. Это была линия в философии, типологически восходившая к философии Христиана Вольфа и развиваемая его последователями.

Систематический подход к философии, как наследие вольфианства, как и у М. И. Каринского, находил свое отражение и в творчестве Д. П. Миртова. В своей ранней работе о Клименте Александрийском (1900)¹⁸, как и прежде у его учителя М. И. Каринского в цикле трудов об Анаксимандре и древней философии, Д. П. Миртов также фундаментально исследовал философское учение Климента, поместив его в центр доксографически выполненного анализа философии поздней античности и Александрийской школы.

Мысль Климента Д. П. Миртов рассматривал под углом историко-философского анализа на фоне Филона, Платона и Аристотеля. Он дал обширную картину исследований по Клименту, указывая и опираясь при этом на Мерка, Конъя (Cognat), Дэне, Ройтера, Баура, Грота (Groot), Фойе (Faue), Винтера¹⁹. Миртов отмечал, что творения Климента носили, прежде всего, педагогический характер, в которых Климент стремился изложить свое нравственное учение не в системе, построенной на указанных им принципах соглашения философии и Писания, а — применительно

¹⁵ Абрамов А. И. Сборник научных трудов... С. 232.

¹⁶ См.: Христиана Баумейстера *Метафизика*, с лат. вновь перевод и исправл. Яковом Толмачевым. М., 1808. 295 с.

¹⁷ См. Абрамов А. И. Сборник научных трудов... С. 235.

¹⁸ См.: Миртов Д. П. *Нравственное учение Климента Александрийского*. СПб., 1900. 230 с.

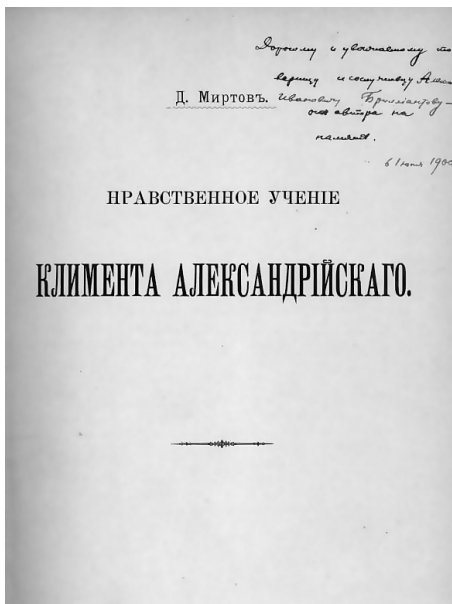
¹⁹ Там же. С. XXXV.

к задачам и фактам воспитания²⁰. Д. П. Миртов показал, что сочетание греческой философии и христианства у Климента если и было вначале равным, то постепенно христианские взгляды стали доминировать.

Опираясь на современного ему доксографа, П. Цигерта (P. Ziegert)²¹, Миртов писал, «что и по обращении уже находясь в изгнании, [философия] держала [Климента] в железных оковах. Философия претворилась у него в плоть и кровь, осталась руководящим началом его мысли. Так отомстила ему за себя отвергнутая философия. Служанка стала господствовать над госпожой»²².

Д. П. Миртов в заключении писал, что: «Климент Александрийский считается основателем христианской науки, потому что он первый положил начало церковно-христианскому гнозису, т. е. научно-философскому, но стоящему на почве церковного понимания, уяснению и изложению откровенных истин»²³. Поскольку, как это подчеркивал и Миртов, «в сочинениях, до нас сохранившихся, он [Климент] применяет, однако, установленные им принципы соглашения философии с Откровением не ко всей области христианского вероучения, а главным образом к области нравственных истин»²⁴.

Мы здесь видим результат испытанного Д. П. Миртовым влияния, опосредованного как учением Вольфа, так и позднейшими влияниями

Фрагмент титульного листа с автографом Д. П. Миртова: «Дорогому и уважаемому товарищу и сослуживцу Александру Ивановичу Бриллиантову от автора на память. 6 июня 1900»

²⁰ Там же. С. XXXVIII.

²¹ Миртов ссылается на Ziegert P. Zwei Abhandlungen über T. Flavius Clemens Alexandrinus. Psychologie und Logochristologie. Heidelberg. 1894.

²² Там же. С. XL.

²³ Там же. С. 219.

²⁴ Там же. С. 220.

ученика Вольфа — Христиана Баумейстера на духовно-академическую философию в начале XIX в., так и позднее преломившееся, в частности, через Каринского и на тексте Миртова. Поэтому он, развивая онтологию в метафизике (по Баумейстеру), делал вывод, что Климент и Тертуллиан были первыми моралистами в ранней христианской философии.

«Филон и в учении о Логосе, как и в других случаях, служит примером объединения философии с Откровением для Климента Александрийского, хотя нельзя сказать, чтобы последний рабски следовал этому примеру. Существенным отличием Климента от Филона является то, что он во всей строгости удерживает Евангельское учение о Логосе, как Личном существе. Соответственно этому, и платоновские и стоические воззрения, которые он объединяет с христианскими, получают особый смысл в его нравоучении»²⁵. Миртов увидел, что Климент позаимствовал из платоновской философии идею демиурга, «как посредника Божия при творении мира»²⁶ и сами идеи. Как и у Платона, Климент тоже называл Бога Умом и местом идей. Здесь же Д. П. Миртов писал, что: «Если идея есть мысль Бога, а Логос — Сын Ума, то и Логоса можно характеризовать как идею, именно как Идею Истины, не отрицая этим Его личное бытие»²⁷.

И наконец, в данной статье мы обратимся к фундаментальному и блестящему труду Д. П. Миртова, за который ему и была в сентябре 1914 г. присуждена без защиты степень доктора богословия, и за который он был отмечен половиной Макарьевской премии. Речь идет об исследовании «Учение Лотце о духе человеческом и Духе Абсолютном» (1914)²⁸. Миртов подчеркивал, что: «Лотце стремится свести к единству то, что вошло в его богатое содержанием понятие об Абсолютном из этих обоих различных источников [веру и знание]»²⁹.

Однако, заявляя, что задача объединения знания и веры хотя и является высшим идеалом, но сам Лотце не предложил никакого способа разрешения этой проблемы. Единственное, что Лотце делает, по Миртову, это то, что в своем опыте «синтеза научно-философских христиански-религиозных воззрений о Боге, видит удачный шаг на пути к тому высшему научно-философскому идеалу»³⁰. Миртов заметил, что у Лотце

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Миртов Д. П. Учение Лотце о духе человеческом и Духе Абсолютном*. СПб., 1914.

²⁹ Там же. С. 504.

³⁰ Там же. С. 506.

религиозное учение о Боге и философское учение об Абсолютном не только не противопоставляются или уравниваются, но «Лотце делает прямую попытку представить такой синтез, — именно в форме панентеистического мировоззрения...»³¹ как приближение к своему научно-философскому идеалу.

Однако здесь Д. П. Миртов указывал на ошибочность трактовки Лотце решения им метафизически-религиозного синтеза — чтобы и гармонически сочетались предикаты, входящие и в понятие метафизики, и в понятие религии, и с другой стороны, чтобы «гармонически удовлетворялись запросы и ума, и сердца, и воли этим синтезом»³². И основным противоречием здесь, в концепции Лотце, служило то, что его учение об Абсолютной Субстанции в ее отношении к миру примыкало к спиритуалистическому пантеизму. Миртов подчеркивал, что Лотце отстаивал субстанциальное единство конечного с Бесконечным, но он делал в своей аргументации из пантеистических посылок много неясных пунктов, одновременно ослаблял ее, энергично отстаивая «субстанциальное единство конечного с Бесконечным».

На Лотце, — писал Миртов, — оказала влияние «тьнь древности, зловредная переоценка ею логоса»³³. К тому же Лотце не довел свой грандиозный замысел объединения до окончательной формы, которую он должен был получить в проектировавшемся III томе «Системы философии». Так, например, при критике доказательств бытия Божия, Лотце, указывая на их логические дефекты, утверждал, что их убедительность коренится в сердце, откуда и необходимо выстраивать установку общеобязательных истин о бытии Божиим. Причем, Г. Лотце «упоминает об этих постулатах только параллельно с логическими доводами и в добавление к ним, и, вместо внутреннего взаимоотношения между доводами рассудка и запросами сердца, мы видим только их подлеположение»³⁴.

Но здесь обнаруживается ошибочность у Лотце, на которую и указывал Д. П. Миртов: «Он <Лотце> убежден, что его доказательство бытия Божия из факта взаимодействия между существами имеет очевидность аналитического суждения: взаимодействие между существами будто бы для нашей мысли непреодолимо связывается с субстанциальным

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Предисловие. С. ХС.

³⁴ Там же. С. 508.

единством их в общей основе, и раз есть это взаимодействие, необходимо есть и эта единая и объединяющая их в себе субстанция»³⁵. Но, ведь, по крайней мере, это надо доказать, если мы привлекаем логику, даже если с другой стороны истины метафизики. И прав был Миртов, когда писал, что не только единство субстанции не является очевидным, но и взаимодействие между состояниями одной вещи столь же не объяснимо, как и между отдельными вещами. Сам Г. Лотце это признает, но вопрос, как возможно взаимодействие, он ставит по отношению только к вещам, а не к состояниям вещи. Д. П. Миртов справедливо сделал вывод, что концепция Лотце носила очень «привлекательный колорит» своей постановкой всеединого, но и не смогла решить задачу постулата одновременной самостоятельности конечных существ, признавая их, вместе с тем, за состояния Абсолютного.

У Г. Лотце, — писал Миртов, — удобоприемлемы для христианского веросознания те разъяснения и то обоснование тезиса, что «Бог есть существо личное, т. е. самочувствующее и самосознающее. Однако со всем этим далеко не гармонирует пантеистическое положение, что и вещи и конечные духи суть состояния, мысли, модификации Бесконечного, пусть Лотце и желает и старается придать ему пантеистический смысл. Пантеизм вовсе не требует субстанциального единства Бесконечного с конечным»³⁶. Д. П. Миртов замечает, что наука и вера поставлены у Лотце только рядом друг с другом, но не связаны внутренним единством на основе принципов его философии.

Еще одна проблема, это была полемика о связи концепции Лотце и теории Ричля (т. е. о близости Лотце к неокантианству и о том, что принципы философии Г. Лотце вели к разногласию с христианством). На самом деле, в гносеологии теория Ричля скорее примыкала к Канту, а не к Лотце. Миртов отмечал, что, «во-первых, у Лотце нет различения между действительными вещами, которые лежат в основе явлений и сообщают им реальность, и вещами в себе, — что различается у Ричля; а во-вторых, если последний отрицает познаваемость вещей в себе, то первый, напротив, утверждает таковую: хотя явления, по Лотце, не служат объективно-точным отображением действительных вещей, однако все же мы можем путем умозаключения достигнуть вещи в себе, именно полагать ее в духовном существе»³⁷.

³⁵ Там же. С. 509.

³⁶ Там же. С. 510.

³⁷ Там же. С. 516.

Таким образом, Д. П. Миртов, подводя итоги своего исследования, пришел к выводу, что гносеология А. Ричля по существу была нигилистичной, тогда как у Лотце, его принципы, «при последовательном проведении, должны, как мы могли уже видеть из его учения о Боге, привести к противоположным результатам: духу его философии, стремящейся постигнуть истину объективную, общезначимую и необходимую, противны как односторонний субъективизм, так и прагматический релятивизм»³⁸. Здесь важно отметить, что критический подход, проверка утверждений на догматичность появились и были свойственны русской духовно-академической философской культуре уже с самого начала образования Академий.

Некоторые труды профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д. П. Миртова

1. Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном: (Из истории борьбы с материализмом и опытов примирения веры и знания в философии XIX в.). СПб., 1914.
2. Нравственная автономия по Канту и Ницше. СПб., 1905.
3. Нравственное учение Климента Александрийского. СПб., 1900.
4. Конспект по истории древней философии (1900–1901). СПб., 1895.
5. Из лекций по истории философии, читанных студентам Петербургской Духовной академии в 1900–1901 уч. гг. СПб., 1901.
6. Из лекций проф. Каринского, в лекционном изложении Д. П. Миртова за 1896–1897 гг. СПб. 1897.
7. Первые профессора философии в С.-Петербургской духовной академии иером. Евгений и Игн. Фесслер (к столетию академии). СПб., 1909.
8. Двадцатипятилетие ученой и учебной деятельности проф. В. С. Серебrenникова. СПб., 1912.
9. М. И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово. 1917–1921 гг., М., Т. 2. С. 3–75.
10. Обзор книги М. И. Каринского «Разногласия в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных» // Христианское чтение. 1915. № 3. С. 424–428.
11. Пятидесятилетие ученой деятельности М. И. Каринского // Церковный Вестник. 1913. № 8.

³⁸ Там же. С. 517.

12. Студенческие записки лекций по истории философии. СПб. 1896–97.
13. Ученые труды императорской С.-Петербургской Духовной академии. К 100-летию академии. СПб., 1917. Вып. 3.
14. Лекции по истории новой философии, читанные и. д. доцента Д. П. Миртовым студентам С.-Петербургской дух. академии в 1899–1900 ак. г. СПб. 1900.
15. Лекции по истории новой философии, читанные и. д. доцента Д. П. Миртовым студентам С.-Петербургской дух. академии в 1901–1902 ак. г. СПб. 1902.
16. Лекции по истории древней философии, читанные студентам С.-Петербургской духовной академии в 1902–1903 ак. г. СПб., 1903.
17. Заслуги проф. В. Н. Карпова для русской философской мысли // Памяти русского философа В. Н. Карпова. Речи на торжеств. собрании СПбДА по случаю 100-летия со дня рождения Карпова // Христианское чтение. 1898. № 5. С. 684–731.

Источники и литература

1. *Абрамов А. И.* Философия в русских Духовных Академиях: изучение, преподавание, исследования // Сборник научных трудов по истории русской философии / сост., подготовка текста, предисл. В. В. Сербиненко. М.: Кругъ, 2005.
2. *Миртов Д. П.* Лекции по истории новой философии, читанные и. д. доцента Д. П. Миртовым студентам С.-Петербургской духовной академии в 1899–1900 уч. году. (литограф.).
3. *Миртов Д. П.* Первые профессора философии в С.-Петербургской духовной академии — иером. Евгений и Игн. Фесслер. (К столетию академии). // Церковный Вестник. СПб., 1909. С. 1–14.
4. *Миртов Д. П.* Учение Лотце о духе человеческом и духе абсолютном: (Из истории борьбы с материализмом и опытов примирения веры и знания в философии XIX в.). СПб., 1914. Вып. 3.
5. *Шевцов А. В.* М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX — начала XX века. М., 2017.
6. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии // *Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.* Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск, 1991.
7. *Яковенко Б. В.* История русской философии. М., 2003.

Aleksandr Shevtsov. Philosophical doctrine of D.P. Mirtov, professor of the St. Petersburg Theological Academy (on the occasion of the 150th anniversary of his birth).

This article is devoted to the study of the philosophical heritage of the professor of the St. Petersburg Theological Academy, Dmitry Pavlovitch Mirtov (1867–1941) and is dedicated to the 150th anniversary of his birth. Mirtov's writings are still little-known. However, the scientist was a student of professor of Academy M. I. Karinsky. Myrtov's interests rested on the problems of epistemology, logic, the history of philosophy, the problems of religion and faith. On the example of the fundamental study on the philosophy of Hermann Lotze D. P. Mirtov studied the problems of the relationship between faith and reality. In the article, with the example of several works of Mirtov, the formation of his philosophical views, from the philosophy of Chr. Wolff, Chr. Baumeister, to the first teachers of the philosophy of St. Petersburg, hieromonk Eugene and Ign. Fessler. The article analyzes Mirtov's works on Clement of Alexandria and Herman Lotze. The article presents a critical analysis by D. P. Mirtov of the concept of Lotze's pantheism.

Keywords: D. P. Mirtov, M. I. Karinsky, Saint-Petersburg Theological Academy, Christian Wolff, Christian Baumeister, pantheism, substance. the being, epistemology, logic.

Aleksandr Viktorovich Shevtsov — Candidate of Philosophy, senior lecturer at the Department of Philosophy at Moscow Aviation Institute (National Research University) (ashevzov@mail.ru).